

Развитие консервативных славянофильских тенденций в творчестве Н.Я. Данилевского

Значительная часть современных исследователей определяет взгляды ранних славянофилов как преимущественно либеральные. В частности, в достаточной мере последовательно данную точку зрения выражает Е.А. Дудзинская. Исследуя проблему отмены крепостного права, она приходит к выводу, что по мере ее разрешения идейные позиции западников и славянофилов сближаются, «знаменуя процесс формирования русского либерализма как буржуазной идеологии». По ее утверждениям, славянофилы – либералы, стремящиеся посредством реформы не только перевести свои хозяйства на «путь капиталистического развития», но и внести «буржуазные изменения во весь строй русской жизни» [10, с. 165–166, 240–241]. Т.Ф. Пирожкова также отмечает, что славянофилы и западники, еще в 40-х годах XIX века представлявшие в русском обществе консерваторов и либералов, уже в середине 50-х годов «создали единый либеральный блок». Этому, полагает она, во многом способствовал курс правительства Александра II на буржуазные по своей природе реформы. В результате их относящиеся ранее весьма «настороженно к западному опыту» славянофилы не могли не признать его необходимости для России [15, с. 131–133].

А.Д. Сухов, напротив, акцентирует внимание на неприятии славянофилами капиталистического общества, критике его негативных сторон, их неудовлетворенности им. Он присоединяется к мнению, что в отличие от западников – в общем-то признанных представителей русского либерализма, в оценках либеральной ориентированности славянофилов подобное единодушие отсутствует. Но тем не менее и западничество, и славянофильство рассматриваются им как два полюса отечественного либерализма [22, с. 144–145].

Н.И. Цимбаев объявляет славянофильство очередным этапом русского либерализма. В годы николаевского царствования славянофилы, по его словам, – верные хранители либеральной традиции русского общественного движения, достаточно активно проявившие себя деятели русского либерализма эпохи его зарождения, которые «до конца своих дней... стояли на позициях умеренного либерализма...» [26, с. 303].

Однако далеко не все исследователи русской философии согласны с тем, что славянофильство можно определить лишь как одно из западнических направлений в России, как либеральную оппозицию правительству.

Подобные утверждения присущи и самим славянофилам. В Москве, пишет, например, А.С. Хомяков, «сосредотачивается и выражается сила историческая, сила предания, сила устойчивости общественной; но этой силе нужно выражение, этому выражению нужна свобода, хотя бы в свободе и проглядывало какое-нибудь, по-видимому, оппозиционное начало. Эта мнимая оппозиция есть, – по Хомякову, – истинное и единственное консерваторство» [25, с. 172].

Пушкин Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. E-mail: shushkin1949@mail.ru

Заявляя, что славянофильские идеи «далеки от консерватизма в его нелепой одно-сторонности», он обнаруживает в слове «либерал» выражение «равнодушия религиозного», что для глубоко верующего Хомякова совершенно неприемлемо. К.С. Аксаков также утверждает, что консерватизм – качество, органически присущее русскому человеку. И в этом смысле «стоит нам только быть русскими – вот мы и консерваторы». А историософия И.В. Киреевского, по словам А. Валицкого, представляет собой рассмотрение с консервативных позиций актуальных проблем отечественной и европейской истории, «приближаясь к идеальному типу консерватизма».

Однако ранние славянофилы – не просто противники западных нововведений, усматривающие идеал в прошлом. Они активно выступают за то, чтобы, ориентируясь на лучшие образцы нашего допетровского прошлого, быстрее и эффективнее приближать будущее. Поэтому славянофилы стремятся не к прошлому, а к коренным основам русской жизни, к пути древней Руси. Именно этот путь, по их мнению, должен определять истинное направление развития русского общества. И если оно «с дороги сбилось», то прежде всего следует «воротиться на дорогу». «Где есть движение, где есть путь, там есть вперед! Там слово “назад” не имеет смысла, – восклицает К.С. Аксаков. – Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти вперед прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что он истинный» [1, с. 112]. Хотя проблему соотношения социального идеала и действительности он, в отличие от большинства других ранних славянофилов, намеревается решить не в будущем, а в настоящем, что нередко вызывает их критику в его адрес.

Таким образом, славянофильству так или иначе присуще сочетание и либеральных, и консервативных идей и взглядов. А поэтому, по мнению некоторых отечественных исследователей, к славянофилам очень подходит определение «консервативные прогрессисты». По убеждению Ю.З. Янковского, именно в этом следует искать «основное противоречие славянофильской доктрины». «Славянофильство как система, как выстраданное вероучение совмещало в себе, – по его словам, – консерватизм, в который обращалось его общественное бытие, с выразительной устремленностью в будущее, в которой оно самоутверждалось» [28, с. 150]. И подобного рода желание объединить прошлую и настоящую Россию помогало славянофилам не только обосновывать свои идеи, но и противопоставлять собственные взгляды и европейскому консерватизму, и европейскому либерализму.

К измерению идеологических и политических пристрастий ранних славянофилов нельзя подходить с европейским аршином. Так, например, для А.С. Хомякова, заявлявшего: «Я анти-республиканец, анти-конституционалист», – многие ценности европейского либерализма были явно неприемлемы. Предпочитая говорить о своем консерватизме, он (как и многие другие славянофилы) указывал на его неевропейскую природу. Глубоко и искренне симпатизирующий Англии с ее взаимовлиянием либерализма – вигизма и консерватизма – торизма, где каждый либерал так или иначе консерватор и наоборот, он осознает, что европейские характеристики для России не подходят. Ибо в Англии, по утверждениям Ю.Ф. Самарина, «торизм и вигизм выросли из одного народного корня, развивались в одной народной среде. У нас вигизм привит извне». Неудивительно, что «в России единственный приют торизма – черная изба крестьянина. В наших палатах, в университетских залах веет всеиссушающим вигизмом». А поэтому мы далеки от полного примирения либерализма и консерватизма, так как их противостояние в России переросло в «борьбу народного быта с безнародною, отвлеченною цивилизацией» [17, с. 402].

Однако славянофилы не ограничивались констатацией этой борьбы, а, отказываясь от крайностей и либерализма, и консерватизма, все же стремятся обеспечить приоритеты последнего. Ведь, по их мнению, именно консерватизм, а не либерализм обуславливает в итоге развитие русского общества. А.С. Хомяков пишет: «Истинное просвещение имеет по преимуществу характер консерватизма, которое есть постоянное усовершенствование,

всегда опирающееся на очищающуюся старину» [25, с. 203]. В.В. Розанов прямо заявляет, что ненавидит в славянофилах их либеральную закваску. Но он сразу уточняет, что «и консерватизм русский без них – какую же бы мысль хранил в себе? что охранял бы? Славянофилы для нашего исторического сознания, – заключает мыслитель, – положили драгоценное зерно; в навоз действительности положили жемчужину» [16, с. 491–492]. Вместе с тем нельзя не отметить, что славянофилы стремятся и к широкому осуществлению либеральных преобразований в русском обществе. А.А. Тесля, например, убежден в том, что для славянофилов консерватизм – прежде всего способ «выражения либерального содержания». Формулируя политическую позицию славянофильства, он констатирует, что «его правомерно определить как *либерально-консервативное националистическое движение*, где в связке “либерализм” и “консерватизм” определяющим будет именно либерализм...» [23, с. 32].

В.В. Сербиненко, напротив, заявляет, что к славянофилам весьма подходит такое привычное для западной политологии понятие как «либерал-консерватор», которое призвано обосновать отсутствие какой-либо серьезной границы между либерализмом и консерватизмом. Ибо консерватор может выступать не только противником, но и сторонником реформ. Однако обязательно реформ постепенных, не ведущих к коренным изменениям общества [18, с. 106–107]. Принадлежа к дворянскому, а не буржуазному либерализму, славянофилы, утверждает Ю.З. Янковский, не могли не быть консерваторами «во всех своих прогрессистских начинаниях». Целесообразность и актуальность для России умеренных преобразований они обосновывали главным образом с помощью консервативного идеала [28, с. 7].

По словам же Л.Е. Шапошникова, славянофилы, весьма осторожно провозглашая свою оппозиционность к существующему в России политическому режиму, пропагандировали идеи народности. Определяя их позицию как новаторский традиционализм, он указывает, что славянофилы «понимают традицию не как мумифицированную, а как живую, развивающуюся, отвечающую на вызов времени» [27, с. 62]. А поэтому, отрицая трактовку истории с фаталистских традиций, славянофильские мыслители обосновывают насущную необходимость развития, совершенствования общества, при обязательном сохранении прочных эволюционных связей между прошлым, настоящим и будущим.

Испытывая славянофильское влияние, Н.Я. Данилевский призывал активно исследовать Европу, познать которую, пишет он, «стало бы гораздо яснее и очевиднее, если бы разобрать самый характер тех зиждительных сил, которыми построено и на которых держится здание европейской цивилизации, как это и делали Хомяков и Киреевский» [8, с. 144]. С этим согласны многие исследователи его творчества. «В основе теории Данилевского, – указывают А.И. Новиков и Т.С. Григорьева, – лежит известное положение славянофилов о структурной нетождественности русской и европейской культур, а также идея сосуществования непрерывных культурных традиций, целостных форм культуры, исходящих из собственных предпосылок» [14, с. 304].

Не случайно, что завершенная в 1868 году, опубликованная в следующем в журнале «Заря», изданная отдельной книгой в 1871, 1888, 1889 и 1895 годах «Россия и Европа», по многочисленным утверждениям последователей Н.Я. Данилевского, являет собой подлинный образец славянофильства. С этой точки зрения, именно он концептуально завершает основные идеи раннего славянофильства. И, несмотря на то, что «не все великолепные и полные внутреннего содержания намеки Хомякова он раскрыл в строгой и законченной форме научной истины. ...Но то, что Данилевский взял у него, – пишет Н.М. Соколов, – сделано до конца; эту работу переделывать не придется» [19, с. 148].

В этой связи «Россия и Европа» – «книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная ранним славянофильством в тесном, литературно-историческом смысле этого

слова... а, напротив, – утверждает Н.Н. Страхов, – полагающая новые начала, употребляющая новые приемы и достигающая новых, более общих результатов, в которых славянофильские положения содержатся как частный случай» [21, с. 512]. Вклад Н.Я. Данилевского в славянофильство ведет к серьезным изменениям этого учения, которое, по Страхову, вполне может быть названо «данилевщиной». Однако несмотря на это все «трудящиеся умом» славянофилы признали «Россию и Европу» своею, хотя некоторые и сделали это без особого восторга и энтузиазма.

Очевидно, что ее автор не был простым популяризатором славянофильской доктрины, которую он весьма удачно преобразовал в оригинальную концепцию культурно-исторических типов. Предпосылки этой концепции были заложены еще ранними славянофилами, однако они так и не смогли подвести под собственную культурно-историческую типологию серьезное социально-философское основание. Н.Н. Страхов справедливо утверждает, что «если... прежние славянофилы верно поняли не только интересы, но и самый дух своего народа, то Данилевский есть именно тот писатель, который представил наиболее строгую теорию для этих стремлений...» [21, с. 512]. При этом речь у него идет как об образовании из России культурно-исторического типа, так и о миссии России, вставшей во главе славянской цивилизации, в мире.

По заявлениям исследователей творчества автора «Россия и Европа», мыслитель весьма удачно выразил наше национальное самосознание, позволившее определить основания нашего национального развития. Призывая в этой связи глубже вникать в книгу Данилевского, К.Н. Бестужев-Рюмин негодует, что «мы так привыкли к самоунижению, самобичеванию, что каждый твердый голос, защищающий русское начало, кажется нам какой-то непозволительной ересью» [4, с. 270]. Очевидно, что «Россия и Европа», представляя собой весьма яркий пример борьбы с Западом, позволяет ее автору аргументированно критиковать некоторые взгляды славянофилов, провозгласивших национальную идею, но не заботящихся при этом «о необходимости “самобытного национального развития”» [11, с. 64].

По мнению В.В. Зеньковского, идеи Н.Я. Данилевского представляют самостоятельную научную значимость отнюдь не благодаря только их широкому использованию в борьбе с Западом. Характеризуя творчество Данилевского, С.И. Бажов, например, подмечает, что Н.Н. Страхов на первый план выдвигает теорию культурно-исторических типов, ибо «это наиболее оригинальная и значимая в научном отношении сторона его учения» [2, с. 41]. Хотя, по утверждению того же исследователя творчества Н.Я. Данилевского, концепция культурно-исторических типов была воспринята преимущественно людьми антизападнической ориентации. Формулируя данную позицию, Н.И. Кареев еще в конце XIX века писал: «Теория культурно-исторических типов... вся рассчитана на то, чтобы быть научной основой нашего обособления от Европы» [13, с. 468].

Рассматривая проблему взаимоотношений России и Европы, Н.Я. Данилевский указывает: европейские народы, составляющие единую цивилизацию, наиболее ярко характеризует чрезмерно развитый индивидуализм. Поэтому европейская цивилизация всех пытается подчинить своему интересу, часто насильственным образом. Европейский же интерес, уточняет он, есть понятие вполне ясное для каждого европейца, независимо от его национальных пристрастий. При этом основную опасность со стороны Европы для России Н.Я. Данилевский обнаруживает не в ее политическом, а культурном господстве. Не следует забывать, постоянно повторяет он, что Европа чужда нам и враждебна.

По его многочисленным заявлениям, «настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении того порядка вещей, который составляет идеал наших западников: в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации» [8, с. 361]. Подвергая их критике, автор «России и Европы» утверждает,

что они под общечеловеческим понимают все то, что получило развитие на Западе, то есть все противоположное, противоречащее русскому, славянскому. При отождествлении общечеловеческого с европейским, общечеловеческое рассматривается ими как «нечто, прорвавшее национальную ограниченность». Ибо европейские страны, по логике рассуждений Данилевского, – всего лишь только политические единицы, культурная же единица – Европа в целом.

Постоянно объявляя Европу не романо-германской, а общечеловеческой цивилизацией, западные политики, убежден Н.Я. Данилевский, поступают так для того, чтобы активно навязывать свою цивилизацию другим народам. И, конечно, эта цивилизация «неизмеримо бы выиграла», замечает автор «России и Европы», если бы славянские народы в конце XIX века были похожи на жителей Северной Америки в эпоху их завоевания европейцами. Поэтому неудивительно, что «на взаимоотношения Западной Европы и России, а затем и всего славянства Данилевский вскрывает истинный смысл навязчивого агрессивного западно-европейского мессианизма» [12, с. 137], – выражает его точку зрения В.В. Зеньковский.

И это с либеральной точки зрения вполне логично. По утверждению В.В. Ванчугова, либеральная модель так или иначе сориентирована на универсальные, наднациональные схемы, тогда как модель консервативная – на образы локальные, национальные. «Последняя являет собой здоровый, конструктивный национализм, где органичная связка “мы и они”, в то время как в либеральной модели преобладают “мы как они”, желание и даже должностование раствориться в “они”» [5, с. 44].

Вместе с тем европейская и славянская цивилизации, по Данилевскому, формируются на совершенно разных основах. «Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии – славяне, – предваряя К.Н. Леонтьева, утверждает он, – и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом» [8, с. 260]. Присущие им коренные особенности находятся в постоянном активном противостоянии, которое автор «России и Европы» обнаруживает прежде всего в их политических взаимоотношениях, так как Европе весьма свойственна насильственность по отношению к России. Основываясь на этом, Данилевский неустанно повторяет: «всякое нарушение политического равновесия между Европейскими государствами выгодно для России; во всяком случае гораздо выгоднее Европейского мира, всегда скрывающего в своих недрах грозу против России, готовую разразиться при всяком удобном для того случае или предлоге» [9, с. 26]. Поэтому ее внешняя политика ни в коем случае не должна ориентироваться на солидарность с европейским интересом.

Его насильственный характер, полагает Н.Я. Данилевский, в первую очередь обусловлен развитым чувством личности, всегда готовой вступить в жестокую борьбу за свои права. Это чрезмерное развитие личности в европейских странах и обусловило ту индивидуальную свободу, которая «составляет принцип европейской цивилизации; не терпя внешнего ограничения, она может только сама себя ограничивать» [8, с. 200]. Неудивительно, что религиозные верования европейцев ориентировались или на личный произвол протестантизма, или на папский авторитаризм католицизма, для которых насильственность весьма характерна. Но поскольку насильственность совершенно не свойственна христианству, то очевидно, что эти качества могли быть заимствованы католицизмом и протестантизмом из характера исповедующих их народов. Так, католицизм во времена Карла Великого превращается в государственную религию его империи, что в дальнейшем положило начало разделению ранее единой христианской цивилизации на два мира – романо-германский и славяно-греческий.

Славянская цивилизация, указывает Н.Я. Данилевский, может быть только православно-славной, ибо православие пропитывает все содержание русской жизни. Все разговоры

о религиозном индифферентизме русского народа – выдумка, фантазии тех, кто не понимает, не хочет понять Россию. Только в православии выражаются истинные ценности русских людей – главных хранителей религиозной истины. Под влиянием православия и формируется характер славянских народов, сумевших воплотить соответствующую христианским идеалам ненасильственность. Сами природные свойства отличались у них тем, что у славян не было задатков для искажения кроткого духа христианства, которому они вполне добровольно подчинились.

Н.Я. Данилевского отнюдь не смущает, что «религиозная деятельность русского народа была по преимуществу охранительно-консервативной». Иначе, по его мнению, и быть не может, ибо «религиозная деятельность есть охранительная по самому существу своему, как это вытекает из самого значения религии, которая – или действительное Откровение, или, по крайней мере, почитается таковым верующими» [8, с. 408]. Поэтому развитие религии – это раскрытие ее внутренних истин, уточнение и углубление их понимания. Никаких «новых» истин, кроме тех, которые изначально в ней содержались, у подлинной религии нет и быть не может. Осознание этого славянскими народами и позволяет осуществлять передачу православия будущим поколениям в чистоте и полноте, что особенно актуально после отделения католической церкви от православной.

Для Данилевского данное трагичное событие означает прежде всего невозможность и полную бесперспективность создания общечеловеческой цивилизации, основанной на католицизме и протестантизме. Отождествлять судьбу Европы, судьбу германо-романской цивилизации с судьбами всего человечества ему казалось не только неверным, но и опасным. Это вело к утрате самостоятельности и самобытности всех народов, кроме тех, которые выработали европейскую цивилизацию. Европа не хочет принять Россию в семью своих народов, она, утверждает Н.Я. Данилевский, видит в ней чужое и враждебное начало, ибо Россию нельзя ассимилировать, лишить независимой, самобытной жизни.

Подобную неприязнь и враждебность автор «России и Европы» усматривал в первую очередь не в каких-то конкретных фактах и поступках, а в исторических инстинктах европейских народов. «Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию... Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, – с негодованием восклицает он, – и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации» [8, с. 42].

Резко выступая против любых насильственных форм распространения европейской цивилизации, Данилевский сравнивал ее носителей с барыней, всеми способами стремящейся к безоговорочному послушанию своих крепостных во время их телесных наказаний. В итоге он приходит к выводу, что Европа, относящаяся к России, как к своей крепостной девке, требует, чтобы «она держала руки по швам, когда ей вздумается бить ее...» [9, с. 116]. Поэтому каждый русский может обрести достоинство в глазах европейца только тогда, когда утратит свой национальный облик. То же самое относится и к любому другому славянину. В этой связи Н.Я. Данилевский много писал о том, что «туман единой истинной и спасительной европейской цивилизации отуманивает головы многих» представителей интеллигенции славянских народов, тогда как народы ориентировались преимущественно на Россию.

Однако и сама Россия, по Данилевскому, была насильственно «перевернута на иностранный лад» Петром I. Но, влюбившись в Европу, Петр и Россию стремится сделать Европой. Неудивительно, что его реформы – очень тяжелая и болезненная операция для России. К ней Петр I относился только как к материалу для реализации, воплощения европейского образца. Но поскольку он страстно хотел этот образец превзойти, его государственная деятельность в определенной мере оказалась полезной и плодотворной.

Начала же русской жизни – ее быт, нравы и прочее, которые Петр I ненавидел, были подвергнуты им коренной реформе, охватившей быт преимущественно высших слоев общества. Однако впоследствии искажение русской жизни проникает и в глубь народных масс. Тем не менее простой русский народ все же сохранил основы своей национальной самобытности. Поэтому, «несмотря на подражательность в обычаях, нравах и образе жизни... направление внешней политики России, в течение всего XVIII столетия, оставалось вполне русским» [9, с. 161]. В эту сферу преклонение перед Европой проникает лишь на рубеже XVIII–XIX веков.

Определенной точкой отсчета начала смены политического курса Н.Я. Данилевский полагал годы правления императора Павла. С этого времени Российское государство, утратив сформированную Петром I и Екатериной II национальную направленность внешней политики, превращается в значительной мере в служебную силу для защиты европейских, преимущественно германских, интересов. «Россия принимала к сердцу интересы, ей совершенно чуждые, – пишет автор «России и Европы», – и с достойным всякого удивления геройством приносила жертвы на алтарь Европы» [8, с. 32]. Он не может не возмущаться людьми, утверждающими, что Россия должна быть подчинена просвещенной Европе, якобы всегда сориентированной на возвышенные цели.

В целом же петровские реформы не способствовали ни развитию самобытной русской культуры, ни европейская культура должным образом в России не усваивалась. Однако подражательность Европе долгое время была во многом бессознательной. Хотя в дальнейшем именно это привело Россию к тяжелым испытаниям. Россия серьезно «заразилась» и надолго заболела болезнью, название которой «европейничество». «Данилевский ясно видел, – отмечает А.А. Галактионов, – что любые социальные преобразования будут безуспешными, хуже того, разрушительными, если они осуществляются по сомнительным рецептам, вопреки национальным интересам, под воздействием чужеродных сил, и тем более – давлением извне» [6, с. VI]. В результате мы получили нигилизм, сепаратизм, бюрократизм и пр.

Н.Я. Данилевский активно борется против идей евроцентризма. И, несмотря на то, что многие, ослепленные блеском Европы, не обнаруживают перспектив вне европейского пути развития, «сколько-нибудь пристальным взглядом нельзя не видеть, что европейская цивилизация так же односторонняя, как и все на свете» [8, с. 57], – констатирует он. Именно поэтому автор «России и Европы» не может согласиться с мыслью о том, что поскольку Запад представляет полюс прогресса, а Восток – полюс застоя, то вне европейской цивилизации, отождествляемой с общечеловеческой, никакой иной цивилизации быть не может, ибо вне ее нет прогресса. Для него прогресс – это в первую очередь не собирание, не накопление материальных и духовных ценностей, а расширение сфер деятельности народа.

Он полагает крайне опасным отождествлять судьбы молодых народов с судьбами народов отживающих. Это не только лишает каких-либо серьезных исторических перспектив многие неевропейские и в первую очередь славянские народы, но и угрожает им разложением и уничтожением. Ибо если европейская цивилизация – единственно возможная, то ее гибель неизбежно влечет за собой гибель всего человечества. Усматривая реальную альтернативу дальнейшего мирового исторического развития в рамках славянского культурно-исторического типа, Н.Я. Данилевский крайне негативно относится к попыткам подчинения России европейской цивилизации.

Все свои надежды на перспективы молодой славянской цивилизации он возлагает на русский и славянские народы, интеллигенция которых, по его мнению, рассматривала ее лишь как пассивный материал для цивилизаторских опытов Запада. Для него же очевидно, что интеллигенция должна более внимательно относиться к народному быту, опираться

на «народные начала», иначе народ, представляющий собой крепкий общественный организм, может «извергнуть из себя чужое». Подобное восторженное отношение славянской интеллигенции к европейской цивилизации волнует Данилевского значительно больше, чем все ее негативные проявления. Поэтому он стремится не столько к критике европейской цивилизации, сколько к уяснению ее отличий от цивилизации славянской.

Вместе с тем Н.Я. Данилевский обосновывает: ни одна из цивилизаций не может заявить о том, что она представляет высшую точку развития человечества. Однако, по его утверждениям, «народы каждого культурно-исторического типа не вотще трудятся; результаты их труда остаются собственностью всех других народов, достигающих цивилизационного периода своего развития... Но деятельность эта бывает всегда односторонняя и проявляется преимущественно в одной какой-либо категории результатов» [8, с. 107], ограниченных определенными временными и географическими рамками.

Идея цикличности у автора «России и Европы» наполнена разнообразным этнокультурным содержанием, что позволяет ему детально рассматривать переходы от культуры к цивилизации. Однако, описывая неизбежно, с его точки зрения, наступающую после этого гибель культурно-исторических типов, Данилевский не стремится проанализировать причины их исторической кончины. Все это до настоящего времени порождает мнение, согласно которому он отрицал реальность мирового исторического развития, его совершенствование.

Однако нельзя не учитывать, что Н.Я. Данилевский подразделяет цивилизации на уединенные, не способные передавать плоды своей деятельности другим цивилизациям, и преемственные, способные питать почву для развития последующих культурно-исторических типов. Последнее было бы невозможным, если бы у преемственных цивилизаций отсутствовала бы единая общая нить исторического развития, которую, по утверждению Н.И. Кареева, у автора «России и Европы» «можно отрицать в истории всего человечества, но следует признать в истории известной ее части» [13, с. 446].

В этом смысле прогресс человечества выражается не в накоплении материальных и духовных ценностей, а в многообразии выражения человеческого духа. Но, несмотря на то, что Данилевский в своем творчестве допускает дискретность исторического процесса, некоторый изоляционизм во взаимоотношениях культурно-исторических типов и прочее, прогресс цивилизации, высказывает одну из его важнейших идей Ю.Н. Говоруха-Отрок, «заключается не в идее поступательного движения, а в идее органического развития» [7, с. 744]. Знакомая с ценностями закончившей или заканчивающей свой жизненный путь цивилизации, новая цивилизация, по глубокому убеждению автора «России и Европы», может заимствовать лишь то, что «стоит вне сферы народности», – «выводы и методы положительной науки», «технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности», что не формирует собственные основы, которые должны создаваться самостоятельно.

Они могут быть уничтожены, но не заменены основами, выработанными другими культурно-историческими типами. Например, англичане, заявляет автор «России и Европы», весьма активно занимались организацией в Индии «своих деятельных и полезных ученых обществ», но они так и не передали ей европейской цивилизации, а римляне, завоевавшие многие народы, не смогли внедрить в них свою цивилизацию. И хотя он признаёт, что более развитая греческая цивилизация оказала влияние на римскую, однако сразу же уточняет: «Только в том, в чем римляне остались римлянами, произвели они нечто великое» [8, с. 80]. По мнению автора «России и Европы», народ выражает себя в соответствии со своим складом характера. В этой связи он последовательно утверждает, что европейская цивилизация отнюдь не единственно возможная. И поскольку ни одна из цивилизаций не может быть вечной, он не усматривает ничего противоестествен-

ного в возможности существования сразу двух цивилизаций одновременно. Ибо если культурная жизнь нового исторического типа зарождается, то, по его глубокому убеждению, жизнь старого угасает. Вместе с тем, отмечает Н.А. Бердяев, он не согласен, что «универсально-общечеловеческое находится в индивидуально-национальном, которое делается замечательным именно своим оригинальным достижением этого универсально-общечеловеческого» [3, с. 100].

В отличие от ранних славянофилов, создававших свои идеи в дореформенной России, Н.Я. Данилевский формирует собственные взгляды в условиях уже России пореформенной. Славяноцентристские идеи ранних славянофилов представляются ему уже слишком либеральными, что и обуславливает его консервативные взгляды. Неудивительно, что он постоянно критикует ранних славянофилов. Противопоставляя их взглядам концепцию культурно-исторических типов, автор «России и Европы» прибегает к помощи методологии, выработанной в естествознании.

По утверждениям большинства исследователей отечественной философии, Н.Я. Данилевского вполне можно отнести к славянофильскому направлению. Н.Н. Страхов заключает, что в отличие от А.С. Хомякова, которого никогда не забудут в России, сказанное Данилевским «сильнее и яснее отразится в умах». Ибо он был не только «славянофилом по преимуществу», но и «кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» [20, с. XXVII].

Таким образом, в отличие от ранних славянофилов, часто стремящихся лишь к обоснованию основных различий между Россией и Европой, Н.Я. Данилевский постоянно повторяет: Европа враждебна России, ибо она всегда будет выступать против ее укрепления. «В геополитическом плане никакое самостояние России без соотнесения с Европой через борьбу попросту невозможно. О нас не забудут, нас не простят, – пишет Е.С. Холмогоров, – А потому идущая с переменным успехом борьба России за свой Лимитроф вечна и неизбежна» [24, с. 154]. В итоге Данилевскому, замечает В.В. Зеньковский, «решительно чужда та задача, которая рано увлекала первых славянофилов... задача синтеза Запада и России...» [12, с. 134].

Литература

1. Аксаков К.С. Статьи из газеты «Молва» // Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. С. 103–122.
2. Бажов С.И. Идеиная борьба вокруг философско-исторической доктрины Н.Я. Данилевского в России XIX в. // Из истории религиозной философии в России XIX – начало XX вв. М.: ИФАН, 1990. С. 39–66.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
4. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Русский вестник. 1888. № 5. С. 210–270.
5. Ванчугов В.В. Образ России в «этнософических портретах» русских философов // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 34–45.
6. Галактионов А.А. Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. С. V–XX.
7. Говоруха-Отрок Ю.Н. [Ю. Николаев] Заметки о прогрессе и цивилизации // Русское обозрение. 1897. № 1. С. 88–96.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. 552 с.
9. Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб.: Типогр. бр. Пантелеевых, 1890. 678 с.
10. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 271 с.
11. Замалеев А.Ф., Осипов И.Д. Русская политология: обзор основных направлений: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. 208 с.
12. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж: YMCA-Press, 1955, 280 с.
13. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб.: Издатель, 1899. 519 с.

14. *Новиков А.И., Григорьева Т.С.* Консервативная утопия Константина Леонтьева // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 297–308.
15. *Пирожкова Т.Ф.* Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 164 с.
16. *Розанов В.В.* Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. 592 с.
17. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения: Статьи разного содержания по польскому вопросу. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1877. Т. 1. 402 с.
18. *Сербиненко В.В.* История русской философии XI–XIX вв.: Курс лекций. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1993. 148 с.
19. *Соколов Н.М.* А.С. Хомяков и Н.Я. Данилевский // Русский вестник. 1904. № 7. С. 137–193.
20. *Страхов Н.Н.* Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Глаголь, 1995. С. XXI–XXXIV.
21. *Страхов Н.Н.* О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
22. *Сухов А.Д.* Русская философия: пути развития. (Очерки теоретической истории). М.: Наука, 1989. 208 с.
23. *Тесля А.А.* Славянофильский «консерватизм»: между национализмом и либерализмом? // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 23–33.
24. *Холмогоров Е.С.* В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 136–156.
25. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Письма. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 8. 528 с.
26. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 2013. 447 с.
27. *Шапошников Л.Е., Пушкин С.Н.* Русская историософия: избранные школы и персоналии. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 464 с.
28. *Янковский Ю.З.* Патриархально-дворянская утопия: Страница общественно литературной мысли 1840–1850 годов. М.: Художественная литература, 1981. 373 с.

Аннотация. В статье рассматриваются различные оценки современных исследователей в определении принадлежности ранних славянофилов к либеральному и либерально-консервативному направлению отечественной философской мысли. Определяя славянофильское идейное наследие как один из важнейших источников взглядов Н.Я. Данилевского, автор анализирует трансформацию либерально-консервативных идей в консервативные. Обращая основное внимание на отношение мыслителя не только к постоянно отмечаемым славянофилами противоречиям между Европой и Россией, но и к ее враждебности к ней, автор статьи подчеркивает: выявив ключевые направления славянофильских идей, Данилевский преобразует их в целостную концепцию культурно-исторических типов. При этом в статье обосновывается, что тот и другой аспекты творчества мыслителя отнюдь не противоречат, а, напротив, в должной мере органично взаимодополняют друг друга.

Ключевые слова: славянофилы, либерализм, консерватизм, культурно-исторические типы, цивилизация, Россия, Европа.

Sergei N. Pushkin, PhD, Professor, Philosophy and Theology Department, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. E-mail: spushkin1949@mail.ru

The Development of Conservative Slavophile Trends in N. Danilevsky's Creative Work

Abstract. The article deals with the various contemporary scholars' assessments of referring the early Slavophiles' to liberal and liberal-conservative directions of the Russian philosophic thought. While defining Slavophiles' ideological legacy as one of the most significant sources of Danilevsky's views, the author analyses the transformation of liberal-conservative ideas into conservative. Paying special attention to the thinker's attitude not only toward the constantly noted by Slavophiles contradictions between Europe and Russia but to the hostility of the former towards the latter, the author emphasizes that having revealed the major trends of Slavophile's ideas, Danilevsky transforms them into an integral conception of cultural-historic types. The article substantiates that both aspects of the thinker's creative work do not conflict with each other, but on the contrary, sufficiently and intrinsically augment one another.

Keywords: Slavophiles, Liberalism, Conservatism, Cultural-historic Types, Civilization, Russia, Europe.